

Чеслав Антонович Горбачевский

DOI: <https://doi.org/10.31648/an.4360>

Кафедра русского языка и литературы

Южно-Уральский государственный университет в Челябинске

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9145-7721>

ПОЭТИЧЕСКИЙ И ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ СТИХОТВОРЕНИЯ Е.Л. ВЛАДИМИРОВОЙ «Я ВСЕГО ЛИШЬ ТЮРЕМНЫЙ ПОЭТ...»

Key words: image, poem, forced labor camp

Поэзия Елены Львовны Владимировой (1902-1962) только сейчас возвращается к своему читателю. Так, на сайте Сахаровского центра опубликован литературный архив Елены Львовны, состоящий из четырёх сборников стихов: *Дневники*, *О людях и людям*, *Раздумья и зарисовки*, *Самым близким* и поэмы *Не всё равно*. Датировка поэтических текстов Елены Львовны уместается в диапазон со времени её первого ареста в 1937 году до возвращения в Ленинград¹ в 1961 году. Многие из текстов не имеют фиксированной даты создания, а значительная их часть написана в местах, вовсе не предназначенных для творческой, поэтической работы.

Стихотворение Елены Владимировой «Я всего лишь тюремный поэт...» представлено в нескольких вариантах – сокращённом и полном. Сокращённый, опубликованный в антологии узников ГУЛАГа, состоит из 40 строк, но в значительно более расширенном виде, включающем в себя 54 катрена, размещён на упомянутом сайте Сахаровского центра (в поэтическом цикле *О людях и людям* [см.: <http://www.sakharov-center.ru/museum/library/unpublished/287.html#y>]).

Стихотворение посвящено описанию впечатлений человека от пребывания в каторжной сталинской неволе 30-х – 40-х годов XX века. Лейтмотивная тема – тюремно-лагерный быт и существование в нём

¹ Всего Е.Л. Владимировна провела в заключении более восемнадцати лет.

бесправных, несправедливо осуждённых людей, содержащихся в нечеловеческих условиях. Названная тема подкреплена сквозной антитезой всей образной системы, разделённой на *сословие рабов* и *сословие надзора*.

Образный строй поэтического текста, написанного трёхстопным анапестом с усечением чётных строк, характеризуется лексикой, недвусмысленно представляющей реалии подневольного мира: *поэт* [тюремный], *неволя, черта, свет* [т. е. мир], *доли, тема, обстановка, место, тюрьма / тюрьмы, этап, лагерья* [выделенное полужирным шрифтом слово повторяется 4 раза], *штыки, затворы* [тюремные], *рабы, надзор, язык* (*В мой язык включены навсегда*), *слова, названья, годА и годА, сознание, вышка, вахта, параша, конвой, номера, бушлаты, пайка, бачок, бирка, это* [то есть всё то, что становится предметом внимания лирического героя стихотворения – 3 раза], *тайга, столица, картотеки, учёт, (три) доски, человек* [2 раза], *мера, счёт, жизнь (вчерашня), грудь, тряпьё*.

В ритмико-интонационном строе нельзя не отметить явственно звучащий протестный мотив, отражающий уверенность лирического героя как в собственной правоте, так и его готовность отстаивать до конца свою точку зрения в споре с растоптавшим всяческие понятия о справедливости и человечности *сословьем надзора*. Номинативный строй, ассонанс на *a* и ключевые образы-символы пятого катрена позволяют читателю не только зримо ощутить изображаемую ужасающую картину быта каторжанина, но и услышать чеканный отголосок, аллюзию (*Вышка. Вахта. Параша. Конвой*) на ежедневное ритуальное действие, связанное с выкриком заключёнными ответов на одни и те же бесконечно повторяемые вопросы лагерной вохры: «Фамилия? Имя, отчество? Статья? Срок?»².

Мотивный комплекс стихотворения выражен глаголами и причастиями: *пишу* [2 раза], *разделяющий, ограничена, вижу* [2 раза], *включены, восприняло*³, *дышу, дышит, знаю, не ищи, не трудись, искалечен, жив* [всё-таки], *живёт, ничего не забыв* [связь с мотивом памяти], *запрещают, слышать, страдает*. С одной стороны, в перечисленных мотивах сосредоточено внимание на тяготах и страданиях подневольного человека, показана его «выброшенность» из пределов пространства привычного человеческого социума. С другой – в них выражено страстное стремление к правде и справедливости, в которых мерой счёта, т. е. наивысшей ценностью, является человек и его жизнь.

² В стихотворении 1950-го года колымчанина Юрия Стрижевского схожий номинативный ряд встроено в кольцевую композицию: «Забор, запретка, вахта, вышка, / Оскал собачий, автомат. / [...] // Тебе до гроба будут сниться / Запретка, вахта и забор» [Стрижевский 2005, 691].

³ Просторечный вариант ударения поддерживает заданный ритм, он же маркирует «точку зрения» рядового лагерника (как и в случае с другим ударением – *баландОй*).

Как известно, продолжительность жизни невольника в лагере во многом определялась волей случая. Этот жизненный отрезок часто умещался в период от нашивки номера на его бушлате до деревянной бирки с формальными, посмертными данными на большом пальце ноги. При другом сюжетном развитии возможен был и благополучный исход (*всё-таки жив*), однако удачное стечение обстоятельств вовсе не гарантировало бывшему невольнику последующего избавления от физических недугов, так или иначе связанных с лагерем. Последствия тяжёлого физического труда, всевозможных лишений, память о годах полного бесправия останутся с ним навсегда.

В поэтическом тексте Елены Владимировой конкретные и абстрактные маркеры хроноса относятся к разным периодам жизни человека, но все эти временные отрезки неминуемо связаны с неволей: *сегодня, навсегда, года и года, бирка со смертной датой; Искалечен, но всё-таки жив / человек, как и раньше, / он живёт ничего не забыв / в своей жизни вчерашней.*

Проекция взгляда лирического героя подвижна и перемещается с описания личных переживаний и собственного невольничьего опыта на описание схожих коллизий таких же, как он, лагерных изгоев, находящихся *за чертой запрета.*

Всё пространство (*свет*) лирического героя также разделено на две *неравные доли.* В первой, относящейся к сословию насильно превращаемых в рабов людей, виден собирательный образ сталинских исправительно-трудовых лагерей (на примере отдельно взятого конкретного замкнутого пространства с царящими в нём специфическими порядками, свойственными учреждениям подобного рода). К этой же пространственной категории относится и множество других невольничьих замкнутых пространств (тюрем, пересылок, лагерей), относительно «дискретных» друг к другу и характерных для всей территории страны, занимающей 1/6 часть земной суши. Как итог – пространство одного лагеря как бы сливается с пространствами других лагерей, расширяясь по горизонтальной оси до размеров всей страны (*лагеря, лагеря, лагеря / от тайги до столицы*). В этой системе координат *тайга и столица,* казалось бы, два противоположных полюса мира (каторжного и свободного), на самом деле не разделены непроходимой демаркационной линией, но «ментально» и «физически» расположены гораздо ближе друг к другу, чем это может показаться на первый взгляд.

Очевидно, что в пределах замкнутого пространства хозяевами становятся представители второго, квазисвободного мира, – многочисленное, вооружённое, сытое и хорошо одетое *сословье надзора.*

Не только всё возможное, «разрешённое» пространство для зэка замкнуто и соотносится с лагерным периметром (герметичность которого усиливается *тюремными затворами и двойным оцепленьем штыков*),

но и сам тюремно-лагерный хронос деформируется, «приспосабливая» невольника к новым условиям⁴.

На вертикальной оси «верх-низ» один из ключевых образов замкнутого пространства – смотровая вышка. Другой не менее значимый жизненный и символический образ – деревянная бирка на ноге каторжанина, становящаяся терминальным символом соприкосновения несправедливого человека с тоталитарным государством⁵. Бирка – это и своеобразный знак перехода, последней «пересылки» невольника в мир мёртвых, его освобождение от безмерных страданий. Бирка и захоронения умерших (замученных, погибших и расстрелянных) зэка – это сухая цифра отчёта государства и его представителей из лагерной администрации, выразившаяся в очередной формальности, рутинной необходимости в избавлении от пришедшей в негодность рабсилы. Вместе с тем деревянная бирка – это и главный свидетель трудного, во всех смыслах, пути невольника под землю; это и тонкая связующая нить между миром мёртвых и живой памятью, материальным свидетельством о перешедших последнюю черту запрета мучениках.

Весь образно-поэтический строй стихотворения Елены Владимировой «Я всего лишь тюремный поэт...», с одной стороны, сконцентрирован в проекции взгляда на *сословье надзора* как предельно немилосердной силе, принудительно и несправедливо поделившей людей на своих и чужих; а с другой стороны, направлен на пересечение взглядов, чувств и переживаний лирического героя (*тюремного поэта*) и близких ему товарищей по несчастью, оказавшихся в положении отверженных не только в запроволочном рукотворном аду, но и после возвращения из него на так называемую волю (где *запрещают о нём говорить или слышать*). В финальных двух строфах подводятся итог и нивелируются границы между двумя мнимо далёкими друг от друга мирами⁶, связующим звеном между которыми становится память: лирический герой, оказавшийся на такой квазиволе, считает, что он не вправе забыть тех несправедливо осуждённых, *грудь* которых всё ещё *и страдает и дышит*.

⁴ О разнице в восприятии времени на воле и в заключении Елена Львовна писала в 1937 году в стихотворении «Уже ушло невидимое солнце...».

⁵ В границах лагерного пространства балансирование между жизнью и смертью превращается в константу лагерного существования, в ту лиминальную особенность, которая здесь более очевидна, чем на другом полюсе мира, т. е. за пределами каторжного лагеря.

⁶ Вполне рациональное обоснование теории слияния заключения и воли встречается у поэта, певца и пророка органов государственной безопасности Каценеленбогена из романа Василия Гроссмана *Жизнь и судьба*: «Если смело, последовательно развивать систему лагерей, освободив её от тормозов и недостатков, это развитие приведёт к стиранию граней. Лагерю предстоит стирание с запроволочной жизнью. В этом слиянии, в уничтожении противоположности между лагерем и запроволочной жизнью и есть зрелость, торжество великих принципов. При всех недостатках лагерной системы – в ней есть одно решающее преимущество. Только в лагере принципу личной свободы в абсолютно чистой форме противопоставлен высший принцип – разум. Этот принцип приведёт лагерь к той высоте, которая позволит ему самоупраздниться, слиться с жизнью деревни и города» [Гроссман 2005, 634].

Библиография

- Gasparov Mihail. 2001. *O russkoj poèzii: Analizy, interpretacii, harakteristiki*. Sankt Peterburg: Azbuka: 11-26 [Гаспаров Михаил. 2001. *О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики*. Санкт Петербург: Азбука: 11-26].
- Grossman Vasilij. 1990. *Žizn' i sud'ba*. Moskva: Sovetskijpisatel': 634 [Гроссман Василий. 1990. *Жизнь и судьба*. Москва: Советский писатель: 634].
- Striževskij Ūrij. 2005. *Zabor, zapretka, vahta, vyška*. V: *Poèziâ uznikov GULAGA: Antologîâ*. Cost. Vilenskij S. Moskva: MFD–Materik: 691 [Стрижевский Юрий. 2005. *Забор, запретка, вахта, вышка*. В: *Поэзия узников ГУЛага: Антология*. Сост. Виленский С. Москва: МФД–Материк: 691].
- Vladimirova Elena. 2005. *Â vsego liš' tûremnyj poèt*. V: *Poèziâ uznikov GULAGA: Antologîâ*. Cost. Vilenskij S. Moskva: MFD–Materik: 333 [Владимирова Елена. 2005. *Я всего лишь тюремный поэт*. В: *Поэзия узников ГУЛага: Антология*. Сост. Виленский С. Москва: МФД–Материк: 333].

Summary

POETIC AND IMAGE STRUCTURES IN ELENA VLADIMIROVA'S POEM "I'M JUST A PRISON POET..."

This article analyzes one of the poems written by the Russian poetess Elena Vladimirova. The author protests against prisons and hard forced camps systems established by Joseph Stalin, in which Elena Vladimirova spent more than eighteen years. We focus on such features of the poem as a poetic and figurative system and images-symbols, time and space, and two main "points of view": "the supervisor's estate" and "the slave's estate". The conclusions of the analyzed poem may initially seem unexpected: the boundaries between freedom and imprisonment are very unstable and subtle in the totalitarian state.

Kontakt z Autorem:
cheslavgor@gmail.com